

Ион ДРУЦЭ

МОМЕНТ ИСТИНЫ

«Фигаро» потом писала, что большая заслуга Евы Левинсон в том, что она угадала таинственность и благородство этого произведения.

— Таинственность и благородство — это о чем?

— О моей малой родине. О Молдавии.

— Что означает в жизни писателя его малая родина?

— В сущности, она все.

— Так-таки все?!

— «Тихий Дон», «Дом у дороги», «Прощание с Матерой» — вы думаете, это названия художественных произведений? Да это же все малые родины, которые, уверяю вас, неотделимы от большой.

— А как вам представляются связи художника с его малой родиной?

— Когда меня об этом спрашивают, мне всегда вспоминается небольшая заметка, промелькнувшая в журнале «Наука и жизнь» лет пять тому назад. Речь там шла о каком-то диковинном бразильском растении. Его завезли в Европу, долго с ним нянчились, пока оно прижилось в Парижском ботаническом саду. Все шло хорошо, но вдруг неизвестно с чего два года подряд это растение, едва зазеленев, тут же сбрасывало листву и стояло голышом до самой осени. После двух лет все вошло в норму, но французские ботаники — народ дотошный. Им непременно нужно было выяснить, почему растение ни с того ни с сего два года подряд сбрасывало листву.

— Что же?

— Оказалось, что именно в те два года в Бразилии была сильная засуха. Это крохотное растение, оставив свою малую родину за океаном, продолжало жить одной с ней жизнью.

— У каждого писателя есть герой, которому он явно отдаёт предпочтение. Вы пишете о крестьянине Карабуше, пишете об уходе Толстого из Ясной Поляны, пишете о путешествиях по Прибалтике, и волей-неволей возникает вопрос: кто ваш герой?

— Меня всегда привлекали к себе народные типы.

— Чем?

— Видите ли, с точки зрения нравственности народные типы являются носителями огромных территорий народного духа, народного здравого смысла, народных традиций. Для литературы они чистый клад. Недавно мне довелось встретить женщину в метро. Ехала она с двумя детьми, обставленная многочисленной поклажей, и всего в ней было полно — и любви к детям, и забот, чтобы дотащить свой багаж, и радости, что вот она едет наконец домой, и забот о тех, что остались там, вдалеке, и к кому они теперь втроем возвращались. В этой своей ансамблевости она была так прекрасна, что мне захотелось тут же позвать Валентина Распутина.

— Почему именно Распутин?

— Потому что это была его героиня.

— А при каких обстоятельствах и где вы встречаетесь со своими героями?

— Когда как. Иной раз просто достаточно пройти село из конца в конец — там поздоровался, там покурил, там выпил глоток воды, а из села уже выходишь с готовым произведением. Дело тут не столько в том, что ты там увидел, сколько в том, насколько мир, который ты несешь в себе, отозвался на то, что ты видел вокруг себя. От соприкосновения этих двух миров — мира, который в тебе, и мира, который тебя окружает, — рождаются, по моему, художественные замыслы.

— За вашими героями обычно стоят прототипы?

— Случается.

— После того как произведение уже зажило своей жизнью, вы продолжаете следить за жизнью тех, кто служил вам прототипом?

— Это трудный вопрос. Век человеческий короток, а художественные произведения живут в совершенно другом измерении. Иной раз, бывает, на литературном вечере взволнованный юноша подходит с твоей повестью и что-то такое хочет спросить о героине повести, о Русанде, где она и что она, а ты напускаешь тумана, отшучиваешься, потому что твоя Русанда давно нянчит внуков и сама уже давно позабыла свою молодость. Юноше откуда это знать — там, в его книге, Русанда вечно молода.

— Что можно сказать о французских театрах?

— Артистизм. Трудолюбие.

— А чем мог бы гордиться наш театр по сравнению с французским?

— Зрителем. У нас удивительно тонкий, тактичный, все понимающий зритель. Однажды в Малом театре на спектакле «Возвращение на круги своя» мне довелось увидеть, как весь зал привстал аплодировать, но... не раздалось

ни единого хлопка. Тишина осталась нетронутой. Это было прекрасно.

— Почему зрителям важнее было сохранить тишину, чем выразить свои эмоции?

— Потому что на сцене был храм, и в храме том священнодействовал сам Толстой.

— А что вас особо поразило в парижской постановке «Святая святых»?

— Мальчик.

— То есть?

— В моей пьесе есть роль мальчика Санду, играющего «в солдаты». У нас театральное дело поставлено так, что спектакль играется годы, и найти хорошего мальчика, настолько хорошего, чтобы он долгие годы оставался просто мальчиком, невозможно. Французы работают над пьесой два месяца — один месяц репетируют, другой месяц играют, вечер за вечером. У них два прелестных мальчика играют в войну, и это по новому высвечивает все образы, придает спектаклю чрезвычайную, почти документальную достоверность.

— Хотя вы говорите о мальчике, имеется в виду, пожалуй, режиссура?

— Режиссура у них в самом деле на очень высоком уровне. Мне посчастливилось побывать на премьере «Вишневого сада» у Питера Брука, и меня поразило, сколько слоев и фактов действительности сумел привлечь режиссер и заставить играть на свой замысел.

— Например?

— Ну, например, само здание, в котором выступает труппа. Представьте себе на окраине Парижа очаровательное довоенное театральное здание с балконами, ярусами, крохотной сценкой. Во время войны в это здание угодил снаряд, снес купол, и долгие годы все это зарастало сорняками, пока хозяин не продал эту громаду обшарпанного камня за бесценно какому-то плотнику, живущему по соседству. А плотник был не дурак; плотник, купив это здание, сидел и ждал. И Питер Брук явился, арендовал помещение. Перекрыли верх, поставили скамейки, провели освещение, а все остальное оставили, как было: на стенах следы от пуль, осколков, копыт давних пожарниц, а за всем этим — силуэт того, что еще не так давно считалось прекрасным. С этой щемящей тоски по загубленной красоте начинается «Вишневый сад», этим он кончается, и трудно себе представить более чеховский вечер.

— Как вы считаете, работа в литературе — профессия или призвание?

— Зависит от результатов. В одном случае скажут — крепко сработано, в другом случае скажут — без призвания этого не одолеть. Поначалу наша работа сера и однообразна, как одиночество в голом поле в холодный осенний день. Какие-то реплики, какие-то детали, кто-то куда-то спешит, кто-то удивляется, что давно нет почты. Хотя смысловой хребет и существует, все это не представляет никакого интереса, тут, как говорится, искусством и не пахнет, но наше дело трудиться не разгибая спины и ждать.

— Ждать чего?

— Осенения. В нашей легкой работе наступает миг, когда все наработанное схватывается единым дыханием, по всему разбегается живая кровь и все, что еще за минуту до этого было репликой самой по себе, которую можно было и выбросить, и оставить, детально, которой можно было и пожертвовать, вдруг становится живым и, отдаляясь от тебя, начинает жить своей жизнью. Этот миг я про себя называю много осенения, другие называют его моментом Истины. До этой черты мы все ремесленники, после нее — художники. Этот миг я считаю самым прекрасным и загадочным в нашей профессии. Искусственно вызвать его невозможно, но не дожидаться его грешно. Тогда уж лучше заниматься другим делом.

— А если художника постигает неудача?

— Как известно, от неудач никто не застрахован. Другое дело, что, с моей точки зрения, нравственность художника как раз и проявляется в том, чтобы не выносить из дому свои неудачи.

— Почему?

— Мир и так полон всякого несовершенства. Зачем увеличивать его массу?

— Как известно, существуют два типа людей — жаворонки и совы. Вы к какому типу принадлежите?

— Если вы хотите спросить, рано ли я встаю, то могу вам сказать, что я встаю вместе с молдавскими колхозниками. Вообще я думаю, что художник должен вставать вместе со своим народом, иначе печать неполно прожитого дня будет лежать на всем его творчестве.

Вела беседу

Валентина ЖЕГИС.

В КВАРТИРЕ писателя на видном месте — афиша недавно состоявшейся в Париже премьеры «Святая святых». Внизу, по кромке, выступает в предутренней дымке земля, а дальше, ввысь, — огромные пласты красочного неба.

— Это небо Парижа, Москвы или Молдавии?

— Я думаю, поначалу это было небом Парижа, поскольку художник сам парижанин, но в процессе работы оно переросло в небо вообще, в том числе и в небо севера Молдавии. Нужно сказать, что это самое заманчивое и трудное в искусстве — оттачиваясь от конкретного, известного тебе клочка неба, увидеть небо в целостности.

— Это существонно?

— Еще был По вырубленным художниками просекам движение художественное мышления нашей такой небольшой и такой растрепанной планетой.

— Но ведь у каждого все-таки своя земля и свое небо.

— Это все вещи относительные. Для примера я вам расскажу небольшую историю. Приволжская крестьянка, потерявшая мужа на войне, перебралась с тремя маленькими сыновьями в Саратов. Вырастила сыновей, поставила их на ноги — теперь у каждого свой дом, своя семья. Но она сама в этих тяжких трудах надорвалась. После долгого блуждания по больницам ее отпустили домой, как говорится, спокойно завершить свой жизненный путь. Недельку проживет у одного сына, недельку у другого.

Однажды сын, у которого она как раз гостила, возвращаясь со смены домой, увидел, что продавали билеты на спектакли приехавшего гастролировать в их город Центрального театра Советской Армии. Потоптавшись у афиши, он в конце концов купил своей матери билет на «Святая святых». Старушка посмотрела спектакль, собрала сыновей и сказала им: «Если бы за все мои муки, которые мне пришлось вынести, чтобы поставить вас на ноги, вы бы мне один только этот билет купили, то и этого было бы предостаточно для того, чтобы отблагодарить меня».

Спустя несколько дней она скончалась. Они ее похоронили, и сын, у которого она в последний раз гостила, тот, который купил ей билет, написал в Москву актеру Николаю Пастухову, чтобы рассказать эту историю и низко поклониться за талант и труды. Теперь давайте с вами прикинем — где Днестр и где Волга, где Сороки и где Саратов. Но вот поди ж ты — судьбы далекой Молдавии вошли в душу и утешили волжанку.

— Думаете, искусство должно еще и утешать?

— В том числе.

— Ну, коль скоро мы оказались втянутыми в орбиту этой вашей последней пьесы, скажите, что все-таки скрывается за этим загадочным «Святая святых»? Как известно, название произведения — это еще и в каком-то смысле шифр для его понимания.

— Кто не помнит знаменитое: «Идет война народная, священная война!» Замечательно, что в этом контексте «священная» идет следом за определением «народная», становясь как бы высшим его смыслом, способным всколыхнуть мир до самого основания. И так всколыхнуло его.

Как известно, русская натура всегда была чрезвычайно чутка к термину «святое». Драматические коллизии ситуации на моей малой родине — Молдавии плюс чувствительность русской культуры к основополагающим элементам нашей жизни — вот, собственно, тот перекресток, на котором взорвалась моя пьеса.

— Положим, небо севера Молдавии увидели в Москве и в Саратове и признали его своим. А приняли ли его парижане?

— Уверяю вас, та полоска земли, которая была в тот вечер воссоздана на сцене театра Иври, была истинно молдавской землей, и судьбы, которые цементировали это представление, были реальными судьбами конкретно известных мне людей. Вообще театр — это искусство загадочное.

— В каком смысле?

— Да ведь до той постановки эти актеры понятия не имели о существовании Молдавии, и я сильно сомневался, что они могли бы найти ее на карте.

Но вот, пользуясь пьесой, как в древности мореплаватели пользовались расположением звезд, эти актеры легко вошли в этот бурный мир современности и Молдавию, и мою родную деревню, и мой поля, и мой родной дом.